

ТАТЬЯНА ГЕРЦИК

ВЕТ В ОКНЕ

Татьяна Герцик

Свет в окне

«Дана Хадсон»

Герцик Т.

Свет в окне / Т. Герцик — «Дана Хадсон»,

«...В дверях раздался скрежет поворачиваемого ключа. Ирина поспешила к дверям и подставила лицо входившему мужу. Он рассеянно чмокнул ее в щеку. За прошедшие годы это превратилось в настолько привычный ритуал, что Ирина не раз спрашивала себя, а заметит ли он разницу, если его встретит другая женщина?...»

© Герцик Т.
© Дана Хадсон

Татьяна Герцик

Свет в окне

В широком дворе старого дома легкий ветерок играл багряно-золотистой осенней листвой, разметая ее по всему двору. Проходя мимо рьяно машущего метлой дяди Феди, Ирина вежливо поздоровалась и заслужила в ответ кислое:

– Здравствуй, здравствуй, Иринка! И когда ты своего борова на диету посадишь? Рас-толстел – смотреть противно!

Покраснев от неловкости, Ирина бочком, как в детстве, прокралась мимо сердитого дворника и юркнула в подъезд. Ей было не по себе. Валерий и впрямь изрядно раздался, сказывался малоподвижный образ жизни, но что она могла сделать? Не заставлять же его бегать по утрам возле дома, как это делают некоторые пенсионерки? Он ее и не слушает, кстати. А на тренажерные залы у них денег нет.

По давно не отремонтированному, с облупившимися стенами, но чисто убранному подъезду поднялась на третий этаж, открыла дверь своей квартиры. До прихода мужа время еще было, и она, чуть нахохлившись, села за стол, разбирая тетради с сочинениями шестиклассников.

Современные детишки писали безграмотную чушь, и она жалела, что стала учителем русского языка и литературы. Захотелось сеять разумное, доброе, вечное, и вот результат – ни денег, ни уважения к самой себе.

Оставив на закуску тетрадки учеников, сочинения которых можно было прочесть без зубовного скрежета, принялась за записных двоечников. Она старалась с юмором относиться к их идиотским высказываниям, но порой досада и обида все-таки прорывались наружу, и она, ставя в конце сочинения жирную двойку, с горечью вздыхала.

Посмотрев на часы, поспешила на кухню. Валерий любил вкусно поесть, и Ирина старалась угодить ему хотя бы в этом, ежели уж создать настоящую семью у нее толку не хватило. Ей так хотелось малыша, но за десять лет замужества все ее беременности заканчивались разочарованием и горечью. Ирина чувствовала себя подлой обманщицей. Еще до свадьбы они с ним договорились, что заведут по меньшей мере троих малышей, а она так его подвела...

Если бы он не любил детей, было бы еще полбеды. Но она видела, как опускаются его плечи, и мрачнеет лицо, стоит ему услышать о прибавлении в семействе кого-либо из друзей или родственников.

В дверях раздался скрежет поворачиваемого ключа. Ирина поспешила к дверям и поставила лицо входившему мужу. Он рассеянно чмокнул ее в щеку. За прошедшие годы это превратилось в настолько привычный ритуал, что Ирина не раз спрашивала себя, а заметит ли он разницу, если его встретит другая женщина?

Они молча поужинали, после чего он отправился к телевизору, она продолжила проверку тетрадей. Порой ей казалось, что жизнь замерла, и теперь так и будет до самой смерти.

Но через неделю убедилась, что жизнь все-таки не разучилась преподносить сюрпризы. Оказалось, что она в очередной раз беременна. А ведь они постоянно предохранялись!

Получится ли на этот раз? Присев на край кухонного диванчика, Ирина безнадежным жестом прижала к лицу руки. Если и в этот раз все кончится крахом, ей этого не пережить. При их разнице в группе крови – у нее третья отрицательная, у него четвертая положительная, – ей ни разу не удавалось доносить ребенка хотя бы до шести месяцев, до того срока, когда младенца можно дорастить в кувезе.

Как сказать о беременности мужу? Он давно отчаялся дожидаться малыша. Последнюю беременность он только злился на нее, обвиняя в обманутых надеждах, как будто она специально делала ему назло.

Ирина поежилась. В последнее время из их отношений совершенно ушла теплота. Она перестала быть для него желанной женщиной, и свои супружеские обязанности он исполнял по мере накопления семенной жидкости.

Хлопнула входная дверь, и Валерий молча, не здороваясь, прошел в ванную. Потом, не заходя к ней на кухню, будто ее и вовсе не было дома, прошагал в комнату и включил телевизор. Обидно. Тем более сегодня ей остро не хватало если не любви, то хотя бы интереса.

Пошла к нему в комнату. Прежде чем начать разговор, зашторила окно. Он с удивлением смотрел за ее несколько нервическими движениями.

Подсев к нему на диван, она тихонько проговорила:

– Мне очень жаль, но я опять...

Он раздраженно выдохнул сквозь сжатые губы, ничего не сказав.

Вновь почувствовав себя виноватой, Ирина попыталась неловко оправдаться:

– Мы же предохранялись... Но, может быть, именно в этот раз все получится?

Валерий сердито пнул ногой воздух:

– Что получится? Ты будешь месяц за месяцем лежать на сохранении, я здесь буду куковать один, и что в результате?

Она потемнела и прошептала:

– И что ты предлагаешь? Аборт?

Он посмотрел на несчастное лицо жены и примолк, что-то соображая.

– Нет, конечно, нет.

Снисходительно обхватив ее за плечи, милостиво согласился:

– Ну хорошо, давай попробуем еще раз. Может быть, на этот раз повезет.

Ирина прижалась к знакомому, такому родному плечу и закрыла глаза, молясь о том же.

В очередной раз ставя ее на учет, участковый гинеколог кисло поджала губы. В ее резких движениях ясно читалось осуждение. Ирина чуть слышно вздохнула. Все верно: не умеешь – не берись.

– Через пару недель вам снова придется лечь на сохранение. Сейчас появились новые методики и лекарства, возможно, они помогут.

Немного воспрянув духом, Ирина пошла домой, наслаждаясь уходящим теплом. Пожелтевшие листья, падая, мягко скользили по влажной траве, украшая собой увядшую зелень и серый асфальт. Где-то невдалеке из кафе доносилась негромкая музыка. В душе понемногу крепла надежда.

Все время, прошедшее до больницы, она тревожилась. В родовом отделении, знакомом как пять пальцев, стало полегче, но все равно на сердце оставалось беспокойство. Продержав с небольшими перерывами почти четыре месяца, ее выпустили, и она приехала домой, почти уверенная, что на этот раз все будет хорошо.

Для перестраховки ей дали больничный, исключительно для того, чтоб не нарушать течение сложной беременности, и Ирина много лежала и немного гуляла, свято соблюдая рекомендации врача. Порой она замирала, ощущая внутри себя слабые толчки ребенка, и блаженно шурилась от счастья.

Валерий был необычно озабочен и суетлив, что она приписывала приближающемуся отцовству. В самом деле, они столько лет мечтали об этом!

То, что муж не смотрит ей в глаза и при первой же возможности исчезает из дома, она не замечала, полностью захваченная собственными ощущениями.

Чем больше был срок беременности, тем сильнее крепла надежда. Ирина зачеркивала в календаре дни, оставшиеся до родов, и уже подумывала купить детское приданое, чего прежде никогда не делала.

Как-то вечером она пошла погулять, но, едва выйдя, обнаружила, что забыла перчатки. На улице было холодновато, пришлось вернуться. Открыв дверь, услышала виноватый голос

мужа. Он говорил с кем-то по телефону таким нежно-просительным тоном, каким говорил с ней только в первый год их брака.

– Пойми, ладушка, я не могу! Ты же знаешь, что жена беременна! Да знаю, знаю, что ты тоже беременна! Но я не могу сейчас уйти к тебе, это будет просто жестоко! Ирина так хотела ребенка! Я не могу ее волновать! Подожди немного, вот она родит, я ей тут же все расскажу, и мы будем вместе!

Дальнейший разговор Ирина не слышала. В ушах что-то оглушающе зашумело, и она повалилась, напрасно цепляясь за окружающую ее пустоту.

Очнулась в роддоме. Живот был пуст, и она даже спросить ничего не могла от ужаса. Акушерка, обнаружив, что она пришла в себя, укоризненно заметила:

– Разве можно быть такой неосторожной?! Привезший вас муж аж белый был от волнения. Его самого отпаивать пришлось. – Заметив, что руки пациентки судорожно шарят по впалому животу, ответила на невысказанный вопрос: – Ребеночек не выжил, бедняжка. Слишком сильно вы ударились, а он такой маленький был. Мальчик, они всегда такие хлипкие...

Ирине захотелось тихо умереть, чтобы никогда больше не чувствовать боли, и она замерла, положив руку на горло и безжизненно глядя в потолок.

На третьи сутки в палате появился Валерий. Видно было, что он раздавлен случившимся. Но Ирине от этого легче не стало. Он сел в ногах кровати и сдавленно признал:

– Прости меня. Я виноват. Не знаю, как это произошло, но я полюбил другую. Она ждет ребенка. – И нелепо развел руками: – Такая вот история.

Ирина молчала. Жить совершенно не хотелось. Он тихо спросил:

– Когда тебя выпишут? Я отвезу тебя домой.

Она не сразу поняла вопрос.

– Наверное, завтра.

Он поднялся, неловко потоптался у изголовья, чуть не поцеловав по многолетней привычке, но удержался и побрел к выходу, ссутулив плечи.

На следующий день он привез ее домой и, поеживаясь, попросил, явно повторяя чьи-то бессердечные слова:

– Мне очень жаль, Ирина, что все так получилось, но ты же понимаешь, что другой малыш ни в чем не виноват...

Ирина прервала его сумбурные речи:

– Ты хочешь развода?

Довольный, что не пришлось уговаривать и просить, он выдохнул «да».

– Ладно, завтра сходим в ЗАГС и все оформим. Думаю, возражать никто не будет. – Ирина не понимала, почему еще жива. Жизнь превратилась во что-то малозначащее и ненужное.

Валерий с облегчением кивнул, развернулся, вышел из квартиры, и она услышала, как безнадежно хлопнула входная дверь.

Ирине стало ужасно холодно, будто она сидела голая где-нибудь на Северном полюсе. Не раздеваясь, забралась под пуховое одеяло и застыла, свернувшись одиноким калачиком. Озноб не проходил, все набирая силы, и вот уже зубы клацали так, будто она проверяла их на прочность.

Утром встала, шатаясь от слабости и не понимая, как жить дальше. Конечно, не она первая, не она последняя брошенная жена, но подобные банальности вовсе не утешают, скорее наоборот. Но давать Валерию повода для жалости она не будет. Она сильная, и у нее есть гордость. Завтра придет в ЗАГС, подпишет все бумаги и начнет новую жизнь. Без него. И он никогда не узнает, как сильно ее ранило его предательство.

Он уже нетерпеливо ждал ее у входа в ЗАГС, беспрестанно поглядывая на часы. Сухо поздоровавшись, повел в кабинет, где она подписала какие-то бумаги.

Десять лет брака закончились в неприличной спешке.

Первым выскочил из здания муж, теперь уже бывший, Ирина вышла следом. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как знакомая машина отъезжает от здания. Впереди сидела торжествующе улыбающаяся молодая особа. Самого Валерия Ирина не видела, но чувствовала, что он отвечает спутнице такой же открытой радостной улыбкой.

Почему-то в этой неприглядной истории это показалось ей самым подлым. На глазах снова закипели слезы, но она стиснула зубы, растянула затвердевшие губы в фальшивой улыбке и быстрыми шагами направилась домой.

Снова свернувшись бесприютным калачиком в холодной одинокой постели, с благодарностью подумала о лечащем гинекологе, выдавшем ей больничный по беременности и родам, а не по выкидышу. Теперь у нее есть время успокоиться.

Родителям и родным ничего говорить не стала. Когда звонили, говорила, что все в порядке, но она сейчас никого не хочет видеть. Они понимали и проявляли деликатность. Подруга Света, правда, заподозрила неладное и примчалась, но Ирина ей просто не открыла. Лежала, свернувшись все тем же клубочком, и безрадостно слушала, как надрывался звонок. Потом и вовсе заснула. Заснуть навсегда – что может быть приятней? Ни боли, ни тоски...

Иногда, когда желудок особо настойчиво требовал еды, вставала, ползла на кухню, открывала холодильник, что-нибудь из него вытаскивала, съедала и снова ложилась в свое уютное гнездышко, стараясь ни о чем не думать.

Но вот однажды, открыв холодильник, с удивлением обнаружила, что внутри ничего нет. Пусто. Поскольку помирать от голода было глупо, пришлось одеваться. Посмотрев в зеркало, пренебрежительно вытянула губы.

Ну и страшилище! Бесцветная как бледная поганка, сальные волосы висят, голубые глаза потухли. Хороша, нечего сказать. А ведь она всегда старалась выглядеть прилично. Нет, позориться, выходя в таком виде на улицу, она не будет.

Пришлось лезть в ванную. Вымывшись, почувствовала себя значительно лучше. Натянула свитер и джинсы, в которые до больницы не могла влезть, и которые теперь болтались на ней, как тряпка на швабре, затянула потуже пояс и отправилась в ближайший универсам. Молясь про себя, чтобы не встретила ни одна из любопытных соседок, добежала до магазина. Ее несколько пошатывало от свежего воздуха. Еще бы, столько времени просидеть дома, удивительно, что она вообще ходить еще может!

С голоду набрала продуктов больше, чем могла унести. Выйдя из гастронома с полным пакетом, поняла, что преодолеть двести метров до дома для нее непосильная задача.

Взгромоздила пакет на скамейку, и села, не зная, что делать. Рядом кто-то встал, но она даже головы не повернула, чтобы посмотреть. Просидев минут десять, с легким вздохом протянула руку к пакету и встала, чуть пошатнувшись. Кто-то ее подхватил, прижав к себе. Подняв, наконец, глаза, ошеломленно вздохнула.

Это был Родион! Тот смешной мальчишка, что не давал ей проходу лет с шестнадцати. То есть это ей было шестнадцать, а сколько же было ему? Десять? Или и того меньше? Она вспомнила, как он чуть не испортил свадьбу, требуя, чтобы она ушла от Валерия и подождала, пока он не вырастет. И вот он вырос.

Твердо взяв под руку, Родион повел ее к дому. Ирина молча подчинилась, не понимая, откуда он взялся. Столько времени не появлялся, и вдруг... Она была уверена, что он понял безнадежность своего мальчишеского увлечения и нашел более подходящий для ухаживаний объект.

Вопросительно поглядывая на него, молча шла рядом. Все равно одной ей до квартиры не дойти, слабость не отпускала.

Родион молча вел ее по запущенной аллее и разрывался между абсолютно противоречивыми чувствами: досадой на Валерия за то, что он оставил Ирину в таком положении, и облегчением что он, наконец, убрался восвояси.

За все годы ее замужества он ни на минуту не выпускал Ирину из виду, зная обо всех нюансах ее жизни. Давным-давно хотел вмешаться, но понимал, пока она замужем, у него нет ни малейшего шанса. Уж слишком она порядочная, да и любила своего пузатенького муженька.

И вот теперь этот шанс появился. Главное, чтоб беглый муж не вздумал вернуться обратно, пока у них с Ириной не появится собственный ребенок. Тогда уж этому олуху обратного хода не будет, об этом он постарается.

Зашли в дом, стали подниматься на третий этаж. Ирина шла медленно, отдыхая на каждой площадке, и он с сочувствием смотрел на ее покрывшееся испариной лицо. Он бы с удовольствием отнес ее на руках, но не хотел вызвать возмущение. Уже то, что она, не противясь, шла с ним, говорило о ее крайней слабости.

Около своей квартиры Ирина чопорно произнесла, слегка задыхаясь и благодарно склонив голову:

– Большое вам спасибо, но дальше я сама.

Родион иронично скосил на нее глаза, нагло порывшись в ее сумочке, вытащил ключи от квартиры, открыл дверь и вошел внутрь вместе с хозяйкой. Ирина, чувствуя, как от непомерного усилия по лбу и спине катится холодный пот, сделала еще одну попытку выставить вон незваного благодетеля:

– Вас наверняка ждут дома, и я не смею больше вас задерживать!

В ответ Родин отрицательно покачал головой. Отнес пакет на кухню, разложил продукты по полкам холодильника. Кефир и йогурт его совершенно не вдохновили. Решив сходить в магазин еще раз, повернулся к подошедшей к нему хозяйке.

– Как у вас все запущено! Такое чувство, что здесь давным-давно никто не живет.

Ирина поежилась. Как верно сказано! Никто не живет. Так оно и есть. Вряд ли то аморфное существование, что она вела в последнее время, можно назвать жизнью.

Родин пристальнее посмотрел вокруг. Мебель была старой, неудобной, купленной, видимо, еще ее родителями.

– А почему вы в квартире ничего не поменяли? Вам нравится такая обстановка?

Ирина села на стул – ноги больше не держали. Какая разница, какая вокруг мебель? Она никогда не переживала ни из-за старой мебели, ни из-за отсутствия модной одежды. Для нее главным был лад в семье.

Пристально следивший за ней Родион обо всем догадался.

– Вы машину купили! Небось в долги из-за этого влезли. Ваш бывший простой инженер на «Моторостроителе», а там зарплата крошечная, да и дают ее не во время. Но мужик без машины – не мужик. Он вам не это говорил, когда все семейные деньги на свои удовольствия просаживал?

Она не поняла его запала. Что плохого в том, что у них была своя машина? Жаль, что на ее обслуживание уходила почти вся ее зарплата, зато можно было ездить, куда хочется. Правда, Валерий куда больше возил своих родственников и друзей, считавших их машину своей, а его кем-то вроде бесплатного извозчика, но это мелочи.

Вспомнив, что она осталась и без мужа, и без машины, с трудом сдержала слезы. Без машины-то она бы прекрасно обошлась, но без Валерия ей так одиноко...

– Да забудьте вы этого дурака, право слово! – Родион не считал нужным сюсюкать. – Он вас недостоин!

Ирина с укором посмотрела на него, такого самодостаточного и самоуверенного. Если бы это было так просто, она бы сделала это давным-давно.

– А чтоб вам было легче его забыть, я сегодня же к вам перееду. Если б у меня была своя квартира, я бы вас к себе забрал, здесь и для одного-то тесно, но я с родителями живу, они меня не поймут.

Она задохнулась, не в состоянии поверить своим ушам. Резко встала, готовясь прочесть решительную отповедь. Но в голове тут же зашумел неведь откуда взявшийся песок, и в глазах потемнело.

Родион едва успел ее подхватить – он в это время с недовольной усмешкой изучал допотопный холодильник выпуска середины шестидесятых, видимо, еще родительский. Неловко держа ее на руках, прошел в спальню. Там стоял затхлый нежилой запах. Похоже, в нее не заходили несколько месяцев. Положив Ирину на кровать, раздвинул шторы и открыл форточку, пустив свет и свежий воздух.

Спальня была обставлена во вкусе его бабушки: большой комод с зеркалом посредине, громоздкая деревянная кровать, занимавшая практически все свободное пространство, неизбежный шифоньер и пара тумбочек у изголовья.

Представив, что Валерий делал в этой кровати с женой все, что хотел, Родион судорожно сжал зубы и зло откинул вышитое кремовое покрывало, одним скользким движением вытянув его из-под неподвижной женщины.

Ирина чуть пошевелилась, туманно посмотрела на него, что-то неясно прошептала и закрыла глаза, провалившись в сон. Положив ей под голову большую подушку, он тяжело задумался. Ему и прежде приходилось раздевать женщин, но не в подобной ситуации.

Как хотелось снять с нее одежду, наслаждаясь ее одобрением и ясной улыбкой! Но до этого, похоже, еще очень далеко. А сейчас она, проснувшись без своей тяжелой амуниции, будет сильно обижена, но оставить ее париться в теплых джинсах и шерстяном свитере он тоже не мог.

Подрагивающими руками стянул с нее одежду, оставив комплект бирюзового белья с серебристой отделкой. Тщательно укрыв одеялом, ушел от греха подальше на кухню.

Заварив крепкого чаю, сел за угловой столик на довольно удобный диванчик и стал обдумывать дальнейшие действия.

Спать ему придется в другой комнате, пока она к нему не привыкнет. В этом деле торопиться не стоит. Оттолкнуть ее от себя легко. Перед глазами возникло тоненькое, почти неведомое тело, и сердце пронзила острая жалость. До чего же она себя довела! Он раньше никогда и не подозревал, какая это жуткая штука – депрессия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.